

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ > ТРОГАТЕЛЬНО

КЭТРИН МЭЙ

Разбит, но не сломлен

Искусство восстановления
после ударов судьбы

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2024

УДК 159.923.2
ББК 88.52
М97

Katherine May
WINTERING

Copyright © Katherine May 2020
This edition published by arrangement with Madeleine
Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC

В оформлении обложки использована фотография:
Ann May Snz / Shutterstock / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock / FOTODOM

Мэй, Кэтрин.

М97 Разбит, но не сломлен. Искусство восстановления после ударов судьбы / Кэтрин Мэй ; [перевод с английского А. Малышевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 336 с. — (Книги, о которых говорят).

ISBN 978-5-04-197190-8

Когда судьба наносит неожиданный удар, приходится остановиться и принять перемены — будь то увольнение, тяжелое расставание или проблемы со здоровьем. Книга Кэтрин Мэй — это терапевтическая исповедь, которая помогает преодолеть болезненный этап и найти в нем источник сил и вдохновения. Автор рассказывает о собственном опыте «путешествия сквозь мглу». Ее слова обволакивают, утешают, и дают надежду: зима не будет вечной, каждый шаг в темноте приближает нас к свету, каждый час зимы сокращает время до наступления весны.

Книга также выходит под названием «Зима не будет вечной».

УДК 159.923.2
ББК 88.52

© Иллюстрация на обложке Виктория Бортник, @bortnikv, 2021

© Малышева А., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197190-8

Содержание

СЕНТЯБРЬ

Бабье лето 11

ОКТЯБРЬ

Подготовка 29

Горячая вода 53

Байки о призраках 75

НОЯБРЬ

Метаморфоза 89

Оцепенение 102

ДЕКАБРЬ

Свет 125

Середина зимы 136

Богоявление 158

ЯНВАРЬ

Темнота 181

Голод 201

РАЗБИТ, НО НЕ СЛОМЛЕН

ФЕВРАЛЬ

Снег	217
Холодная вода	235

МАРТ

Пережить бурю	261
Песнь	283

ЭПИЛОГ

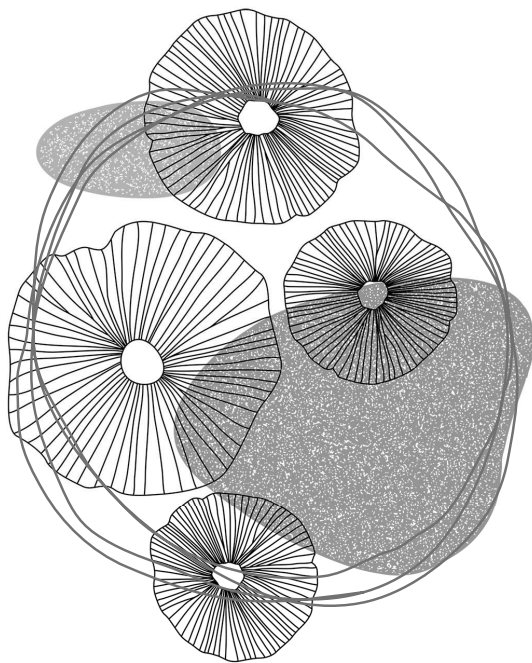
КОНЕЦ МАРТА

Оттепель	309
Благодарность	324
Примечания	326

*Вот над землей с веснушками проталин
Грачи кричат и видят с высоты
Верхушки вяза, нежной, как цветы,
То, что пока внизу мы не узнали:
Зима прошла, и холод нас оставил.*

Эдвард Томас, «Оттепель»¹

¹ В переводе Карины Ан.

Сентябрь

Бабье лето

Бывает, что зима выдается очень солнечной. Вот и эта началась ослепительно-безоблачным сентябрьским днем за неделю до моего сорокалетия. Мы отмечали его с друзьями на фолкстонском¹ пляже, врезающемся в Ла-Манш, словно пытающемся дотянуться до Франции. Это было начало двухнедельного кутежа с шумными обедами и дружескими попойками. Я надеялась, что так мне удастся избежать необходимости закатывать один большой праздник, будет легче шагнуть в новую пору моей жизни. Теперь снимки, сделанные в тот день, кажутся мне абсурдными. словно предчувствуя грядущие перемены, я запечатлела приморский городок, купающийся в лучах теплого сентябрьского солнышка. И прачечную со старинной вывеской, мимо которой мы случайно прошли по пути от стоянки до пляжа. И пляжные зонти-

¹ Фолкстон — город и порт в английском графстве Кент.

ки на бетонных опорах, выстроившиеся вдоль побережья. И наших ребяташек, прыгающих, взявшись за руки, через береговую линию — прямо в невозможно синее море. И ванночку с мороженым со вкусом «цыганского торта»¹, которое я уплетала, пока они играли. Но нет фотографий моего мужа — Х. В самом этом факте нет ничего удивительного: я без остановки снимала своего сына, Берта, и море. Но удивительно то, что этот фотографический отчет продолжался ровно два дня и закончился фотографией Х. на больничной койке с вымученной улыбкой на лице.

Уже на этом райском пляже Х. стал жаловаться на самочувствие. Я не придавала этому особого значения: когда в семье есть маленький ребенок, нужно постоянно быть готовым к очередной атаке паразитов, вызывающих боль в горле, сыпь, заложенность носа и резь в желудке. Х. и сам не слишком паниковал. Но после обеда, когда ему кусок в горло не лез, мы отправились на игровую площадку на вершине утеса. Х. на некоторое время скрылся. Я сфотографировала Берта в песочнице — к его плавкам, словно хвост, прицепились водоросли. Вернувшись, Х. признался, что его вырвало. «О нет!» — помню,

¹ Бисквитный торт, который готовится с использованием сгущенного молока.

вскричала я, стараясь вложить в голос как можно больше сочувствующих ноток, но внутренне испытывая досаду. Теперь ему придется уехать домой и лечь спать. Х. держался за живот, но вид у него, учитывая обстоятельства, был не слишком обеспокоенный. Я совсем не торопилась уезжать, и, наверное, это было заметно, потому что я отчетливо помню свое потрясение, когда один из наших друзей — из тех, с кем мы дружили еще со школы, — тронув меня за плечо, сказал: «Кэтрин, кажется, Х. совсем плохо». «Правда? — спросила я. — Ты и правда так думаешь?» Обернувшись, я увидела лицо Х., искаженное гримасой, с выступившей на лбу испариной. «Пойду за машиной», — сказала я. Даже к тому моменту, как мы приехали домой, я все еще отказывалась верить в то, что это не обычный норовирус. Х. лег в постель, а я попыталась чем-то занять Берта, которого так внезапно лишили веселья на пляже. Но спустя пару часов Х. позвал меня — спальня была на втором этаже, — и я увидела, что он одевается. «Кажется, мне нужно в больницу», — сказал он. От удивления я рассмеялась.

Х. сидел на пластмассовом стуле в приемной, с катетером в руке, и вид у него был совершенно несчастный.

Рядом с ним ждали своей очереди игроки в регби со сломанными пальцами, пьяницы с избитыми лицами, старики в инвалидных колясках, которых сиделки отказывались везти обратно в дома престарелых. Я оставила Берта на соседей, пообещав вернуться через пару часов, но вскоре написала сообщение с просьбой присмотреть за ним до утра. Домой я уехала уже за полночь, а Х. так и не определили в палату.

В ту ночь я не могла сомкнуть глаз. Вернувшись в больницу на другое утро, я обнаружила, что дела у Х. совсем плохи: его лихорадило, и он был совершенно потерян. За ночь боль усилилась, но самый пиковый момент пришелся на пересменок, и ему даже не дали обезболивающего. А потом у него лопнул аппендикс. Он почувствовал это и закричал, но в ответ дежурная сестра лишь отчитала его за грубость и паникерство. Тут пришлось вмешаться его соседу по койке. «Бросили его, беднягу, в ужасном состоянии», — посетовал он из-за ширмы.

Казалось, никто и не собирается делать ему операцию. Х. испугался. Мне тоже стало страшно, словно в мое отсутствие произошло что-то ужасное и непоправимое. А ситуация меж тем продолжала ухудшаться: врачи и медсестры сновали вокруг как ни в чем не бывало, как будто это нормально, когда у тебя внутри взрываются органы, — лежи и не дергайся. Внезапно я ощу-

тила прилив ярости, а вместе с ней — страх, что могу его потерять. Было совершенно очевидно, что у его постели должен быть кто-то, кто смог бы его защитить. Что я и сделала. Я сидела рядом, наплевав на приемные часы, и, когда его боль стала совсем невыносимой, начала ходить по пятам за дежурной сестрой до тех пор, пока та не обратила на нас внимание. Обычно я стесняюсь даже пиццу заказывать самостоятельно, но тут было совсем другое дело.

Это было самое настоящее противостояние: либо я, либо они. Страдания и боль моего мужа против их жесткого графика. И я не собиралась сдаваться.

В тот вечер я уехала домой в девять часов и каждый час звонила, пока не убедилась, что он наконец лежит на операционном столе. Мне было все равно, что я не даю им покоя. Добившись своего, я легла в постель, но не могла уснуть, пока мне не сообщили, что операция прошла успешно и он снова в палате. Хотя и после этого сон не приходил. В такие моменты, засыпая, как будто проваливаешься в черную бездну — лишь для того, чтобы потом рывком проснуться, судорожно озираясь в темноте, как